

Жизненный мир в истории России: событийное и обиходное

От редактора

«Жизненный мир» как новый горизонт исторической науки

Едва ли нужно доказывать, что советская историческая наука в XX в. находилась под сильнейшим влиянием марксистской методологии. Сложнее ответить на вопрос – что унаследовано от той методологии, которая де факто перестала быть обязательной для профессионального историка? Освобождение от доктринального гнета не бывает без последствий. Пересмотр тематически-оценочный обычно не ведет к открытию новых горизонтов науки: ничего не изменится, если утверждать, что красный террор был хуже белого – ну или наоборот, ибо оценочно-тематические вопросы не побуждают исследователя думать иначе, – принципиально иначе. В основе фундаментальной советской науки пребывала и до сих пор пребывает (несмотря на все уверения, что она перестала быть «советской») установка видеть исторический процесс как объективный сам по себе (иногда еще говорят – «спонтанный»), который таит в себе неузнанный и до конца неузнаваемый смысл, тогда как все прочие, условно говоря, наблюдатели-субъекты, лишь «отражают» его безликую сущность. Объективизм как установка обыденного (или «естественного») сознания предполагает, что привычные объяснения исследователя распространяемы и на субъекта истории, – он такой же! Недоказуемо такой же! В самом деле, чем отличаются друг от друга люди, если физиологически они – такие же... Физиологически – наверно! Но не культурно, не контекстуально!.. Нужны основания, чтобы утверждать, что человек как субъект истории не меняется во времени: никто из тех, кто говорит о неизменности человеческой психики, не приводит никаких серьезных аргументов, кроме манифестаций.

Между тем велик объем аргументации против объективизма как установки естественного сознания. Если мы хотим узнать, как люди не только жили в другом времени, но и что они думали о себе и о мире, то недостаточно ограничиться желанием подобного исследования, необходимо менять и сам взгляд исследователя, оптику наблюдения. Следует отдавать себе отчет в том, что ситуация жизненного мира – актуальная для исследователя – никогда не совпадает в своем контексте с ситуацией изучаемой повседневности. Ибо что такое «жизненный мир» в истории? Это всегда осмысленная повседневность – не хаос жизни, в котором нет никакого порядка, а привычный порядок жизни, получивший свое обоснование.

Категория «жизненный мир» никогда не внедрялась в историческую науку, поскольку а priori считается избыточной. Многие так и думают, – пусть останется «повседневность», – зачем усложнять *то, что и так понятно*? Вот это возражение объективистов и составляет настоящую проблему – проблему изменения оптики наблюдения, ибо не может быть сразу «все понятно»: без опыта исследования, без раскрытия чужих причинно-следственных отношений; чужая повседневность не будет являть нам свой «жизненный мир», если мы не откажемся (временно!) от своей естественной установки, от своей привычки мыслить что-либо привычно, – это будет лишь смотрение в зеркало, при котором всякий исследователь видит только себя, а не Другого.

Говоря о жизненном мире, мы не утверждаем, что вся жизнь людей состояла и состоит лишь из привычек, – нет, конечно: в tomto и дело, что обиходное и событийное не представляют собой в процессе жизни равноудаленные области, они совмещаются как явления взаимозависимые. Там, где возникает «событийное», уже гнездится «обиходное», и там, где гнездится «обиходное», всегда зреет «событийное». Эта диалектика не всегда нам открывается в полной мере, но она узнаваема через появление в любой культуре новых объяснений, новых конвенций, которых раньше не было или их не замечали. Ведь жизненный мир не дан нам непосредственно, как не дан нам весь язык целиком, на котором мы говорим: мы узнаем о существовании жизненного мира опосредованно – через опыт реконструкции причинно-следственных связей изучаемой культуры.

Новый горизонт – это *необъективистская наука*, стремящаяся видеть в источниках прошлого единственную реальность, которая открывает свои смыслы, если наша оптика наблюдения наведена на них правильно, с временным отказом от собственной ангажированности и привязанности к актуальностям своего жизненного мира.

Жизненный мир в истории России – это проблема научной реконструкции такой осмысленной повседневности, которая существует только как «поверхность» культурной среды, – и этим своим качеством она составляет наибольшую трудность. Ибо исследователю весьма нелегко понять – что для современников являлось «само собой разумеющимся». Они ведь, как и мы, не стремятся каждый раз объяснять свои поступки, потому что исходят из презумпции очевидности ежедневного опыта в уже данной им повседневности.

Выходя за пределы своей ангажированности, историк жизненного мира направляет свои усилия на то, чтобы «поверхность» чужой культуры стала ему понятной. Это определяет поиск не той истории, которая «сама по себе» (объективистски) существует, без личного сознания, а той, которая в жизненном мире людей представлена их конвенциональными моделями – моделями объяснений, почему они так, а не иначе живут, мыслят, совершают поступки, благие и преступные.

Мы не можем судить о том, что нам не дано. В объективистской науке исследователь способен манипулировать историей, потому что он оставляет за собой право толковать то, что ему дано непосредственно. Категория «жизненного мира» не дает исследователю оснований для привнесения в изучаемую культуру своих ценностных предпочтений. Во всяком случае, любая модернизация сознания может быть опровергнута критикой, обращенной на опыт научной реконструкции. И эта критика верифицируется изучением исторических источников – единственной реальности прошлого.

Андрей Л. Юрганов
Andrey L. Iurganov